

ся, и государству все же пришлось взять на себя расходы по содержанию этих школ, но произошло это лишь в середине 1900-х гг.

Повышение размера дотации на одну школу духовного ведомства происходило за счет увеличения государственных ассигнований. Синодальной нормой содержания церковноприходских школ в 1897 г. было признано для одноклассной школы 125 р. в год, для школы грамоты — 25 р. в год (ГАИО. Ф. 25, оп. 10, д. 1989, л. 5). Долгое время во внимание не принимались региональные особенности их функционирования, в частности, дороговизна жизни в Восточной Сибири.

Размер ассигнований, поступающих от сельских обществ на содержание церковных школ, начал снижаться: так, в 1904 г. в Енисейской епархии он составлял 12 444 р., в 1905 г. — 10 602 р., в 1906 г. — 9108 р. (Свод предположений местного начальства и Совещания представителей подлежащих ведомств по проекту сметы земских повинностей на 1909–1911 гг. Енисейской губернии. Красноярск, 1908. С. 47). Причина этого было начавшееся с 1903 г. широкое государственное финансирование школ МНП, открытие которых обходилось теперь крестьянам почти бесплатно. Как следствие, с 1904 г. по 1907 г. в Енисейской губернии было закрыто 18 школ духовного ведомства. Каждое из 51 училища МНП губернии только из сумм губернского земского сбора получало 590 р. в год, в то время как каждая из 220 церковноприходских школ ежегодно получала из всех источников только 416 р. На содержание школ ВПИ Енисейской епархии в год поступало лишь 14 900 р. из губернского земского сбора, что составляло 19% от общих расходов по сбору, и около 22,5 тыс. р. местных сборов (ГАИО. Ф. 25, оп. 10, д. 2068, л. 67).

Финансовые поступления от сельских обществ на нужды народных школ зависели от многих экономических и внутрисполитических факторов. Школы МНП практически полностью находились на государственном обеспечении, в то время как школы ВПИ Восточной Сибири, игравшие большую роль в силу распространенности, должны были буквально выживать. Многообразие и нестабильность источников субсидирования обуславливало их работу в условиях хронического недофинансирования и отсутствие стабильной материальной базы, что порождало постоянное отставание церковных школ от начальных училищ МНП по оснащению и качеству педагогического состава.

О.Д.Н. ЦЫДЕНЕШИЕВА

МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ НЭПа

Финансово-экономический кризис в годы перехода к НЭПу обусловил многочисленные изменения в оплате труда, формах и методах его организации. В значительной степени он коснулся системы народного

образования. Материальное положение сельского учительства Иркутской губернии в начале 1920-х гг., как и во всей стране, было тяжелым. Переход на местное снабжение (постановление СНК РСФСР от 15 сентября 1922 г.) привел к сокращению государственных ассигнований на нужды просвещения. В 1921-1922 гг. по сравнению с 1920-1921 гг. отпуск средств уменьшился в 8 раз. В то же время происходило неравномерное расходование этих средств, когда до 80% всех государственных ассигнований шло на город и лишь 20% на сельскую местность (Алексеев С.М. Система образования Иркутской области 1917–1956 гг.: опыт, проблемы, решение: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2003. С. 46). Подобное положение не могло не повлиять на уровень жизни педагогов.

Переход на местное снабжение осуществлялся с большими трудностями. Далеко не везде удавалось создать волостные фонды на содержание сельских школ. Проводились компании по заключению договоров населения с учительством, однако и эти меры не оказали существенного влияния на условия жизни учителей деревни, так как деревенские массы весьма пассивно реагировали на призывы местных органов местного самоуправления. Важность данной проблемы подчеркивалась в статье Сибирского педагогического журнала: «Противоречие интересов, и борьба крестьянина и учителя неизбежна и будет продолжаться до тех пор, пока будет сохраняться система самообложений, договоров, волостного и уездного бюджета. Так как заработная плата составляет наибольшую часть расходов на школу, то именно — сюда на понижение зарплаты будут направляться главные усилия крестьянина» (Сахаров В. Деревня «на пути» к трудовой школе // Сибирский педагогический журнал. 1923. № 3. С.123).

Зачастую, результатом этих противоречий был отказ населения от школ, хотя эта тенденция не приобрела массового характера. К 1923 г. по данным из справки Сибнаробраза, количество школ, содержащихся на средства самообложения сельского населения в порядке договорных и хозяйственных организаций, по губернии составляла 252, тогда как количество школ, содержащихся на средства местного губернского и уездного бюджета составляла 332. (Культурное строительство Сибири 1917–1941 гг.: сб. док. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд. 1979. С. 106).

Что касается заработной платы учителей договорных школ, то в 1922–1923 гг. она составляла 5–6 р., что равнялось 17–18% довоенного жалования и обеспечивало лишь 12% прожиточного минимума. Оплата работников сельских школ в этот период в натуральном выражении составляла в Иркутской губернии от 3 до 20 пудов хлеба в месяц (Осташко Т. Сельская интеллигенция Сибири (к. 1919–1927 гг.) Новосибирск: Наука, 1988. С. 59). Все это повлекло за собой массовое бегство учительского персонала в учреждения, где труд оплачивался лучше и тем самым, способствовало уменьшению количественного состава учительских кадров.

Однако постепенное укрепление советской экономики изменило сложившуюся ситуацию к лучшему, о чем свидетельствует увеличение

отпуска средств на народное образование: уже к 1923–1924 г. было ассигновано 821 140 р., или 25,87% бюджета губернии. В 1924–1925 г. это цифра возросла до 30,98% и в 1925–1926 — 31,9% (Культурное строительство в Иркутской области 1917–1967 гг.: сб. док. Иркутск: Вост.- Сиб. кн. изд. 1978. С. 8).

Вследствие увеличения финансирования начинается постепенный переход от натуральных пайков к денежной заработной плате и ее планомерное повышение. Так VI губернским съездом Советов о народном образовании в Иркутской губернии от 13 ноября 1925 г. было отмечено, что заработная плата учителей была повышена и в 1924–1925 г. в среднем по губернии составляла 29–35 р. Однако в некоторых уездах «заработная плата работникам просвещения выдавалась с большим опозданием», что говорит о неравномерности расходования полученных средств и тяжелом материальном положении сельского учительства (Там же. С. 47).

В связи с принятием XIII съездом РКП(б) курса «Лицом к деревне» всем партийным организациям поручалось добиться того, чтобы сельское учительство стало проводником основных идей партии и Советской власти на селе. Таким образом, в новых социально-экономических и политических условиях изменился и статус сельского педагога.

Осуществление нового курса активно шло во всей губернии и подтверждалось принятием резолюций. Примером может послужить резолюция Зиминского уездного съезда работников просвещения «поручить уездному отделению союза в своей повседневной работе поддерживать тесную связь с уездным партийным комитетом, так как работа учителя невысказана без руководства компартии. Обратить серьезное внимание на переподготовку учительства» (Красильников С. Власть и интеллигенция в Сибирской провинции (к. 1919–1925 гг.): сб. док. Новосибирск: Наука, 1996. С. 340).

На сельского учителя были возложены функции не только обучения грамоте, но и идейно-политическое воспитание населения. Значимость деревенской школы достаточно широко освещалась в печати: «Многое будет зависеть в нашей партийной и советской работе от того, какую мы создадим школу в деревне и как будем ее создавать» (Смирнов И. Современные педагогические течения в России // Сибирский педагогический журнал. 1924. № 5. С. 18).

Вопросы идеологического перевоспитания учительства были тесно связаны с повышением его педагогического мастерства. Эта работа имела особое значение для Сибири, где в 1920-е гг. квалификационный состав сельских учителей был чрезвычайно низким. Регулярно, зимой и особенно летом местные органы народного образования проводили курсы по переподготовке учителей. Так, например в 1924 г. в Зиминском и Тулунском уездах успешно прошли курсы политической и педагогической подготовки учительства. В связи с этим стоит также отметить, что на время пребывания учителя получили жалования за июнь и июль месяцы

(Красильников С. Указ. соч. С. 239). Однако такие условия для обучения были предоставлены не повсеместно, и часто педагоги не имели возможности посещения курсов, съездов и конференций из-за финансовых проблем и территориальной удаленности.

Для поднятия престижа учительского труда и общественного положения ЦК РКП (б) предоставил льготы сельскому учительству при вступлении в партию. В мае 1924 г. Сибирская краевая партийная конференция вынесла решение о привлечении в ряды партии наиболее сознательной части работников просвещения (История Сибири. Ленинград: Наука, 1968. Т. 4. С. 257). Для большей части сельского учительства середина 1920-х гг. стало своеобразным рубежом в процессе перехода к сознательному сотрудничеству с Советским государством. Качественно новым моментом в жизни сельского учительства в этот период было широкое привлечение его в русло общественной работы на основе просветительской, пропагандистской деятельности с практическим участием в работе сельсоветов, кресткомов, кооперации, делегатских собраний.

В связи с этими изменениями отношения местных советских и общественных организаций к сельским учителям определялось, прежде всего, их общественной активностью, а не успехами в учебной работе. Вследствие чего достаточно часто выявлялись факты нарушения прав школьных учителей: перевод учителей из одной школы в другую, не имея санкции народного образования, необоснованные увольнения и др.

Для выявления финансовых проблем сельской интеллигенции в Сибири, был проведен ряд обследований. Материалы обследования, проведенного СибРКИ в октябре 1925 г., показали, что в среднем по Сибири зарплата учителей отставала от прожиточного минимума. Например, по данным анкетирования учителей Кимильтейской волости Зиминского уезда Иркутской губернии, все учителя, за исключением двух, не покрывали своих расходов за счет заработка, при этом дефицит колебался от 86 к. до 25 р. (Осташко Т. Указ. соч. С. 88).

В итоге, материальная необеспеченность и неустроенность быта, факты правовых нарушений усиливали текучесть сельских школьных кадров. Поэтому забота об улучшении труда и быта специалистов являлась одним из главных направлений кадровой политики советского государства в те годы. Создание благоприятных условий способствовало увеличению заработной платы, проведение учительской пенсии (гарантия материального обеспечения учителя после 25 лет педагогического стажа), принятие ряда мер, направленных к охране труда учителя и его правового положения.

Постановление СНК РСФСР (от 21 апреля 1926 г. «О мерах по улучшению положения сельского учительства») предоставило учителям ряд новых льгот: обеспечение за счет местного бюджета помещением при школах с отоплением и освещением, бесплатные поездки на окружные, уездные, районные и волостные конференции, с сохранением оклада,

право на ежегодный двухмесячный отпуск. Детям учителей сельских школ представлялись равные с детьми рабочих и крестьян права, при приеме в учебные заведения (Колмаков Н. Новые льготы народному учителю // Просвещение Сибири. 1926. № 6. С. 53).

Таким образом, годы НЭПа в жизни сельского учительства были сложным и в тоже время важным этапом. Это период острой борьбы с материальными невзгодами, обусловленными финансово-экономическим кризисом во всей стране, улучшения неустойчивого правового положения, изменения статуса учителя, в связи с новой политикой в сфере народного образования. В итоге, поднятие престижности профессии учителя и создание стимулов заинтересованности в педагогическом труде позволили решить некоторые насущные материально-правовые проблемы, изменить качественный и количественный состав сельского учительства, сформировать его как наиболее значительный отряд интеллигенции.

Н.А. БАРАНЦЕВА

НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-е гг.

По итогам всероссийской переписи 1920 г. из числа жителей Енисейской губернии в 1 219 299 человек, русские составляли 1 002 099 человека. 217 200 жителей, то есть 18% составляли национальные меньшинства. Детей школьного возраста в регионе насчитывалось 270 954 человек или 22,2% от всего населения, из них посещали школу 50 442 или 18,6%. При этом среди детей русского населения обучались в школах 20,7%, иных этнических групп — только 8,6% (Архивное агентство администрации Красноярского края (п). Далее: АААКК(п), ф. П-1, оп. 1, д. 583, л. 62).

До Октябрьской революции в южных и центральных районах Енисейской губернии действовало 17 национальных школ: 8 хакасских, 3 эстонских, 3 латышских, 2 еврейских, 1 татарская (Там же, д. 810, л. 135 об.). Одной из первых в 1860 г. была основана школа в колонии ссыльных евангелическо-лютеранского вероисповедания Нижняя Буланка Минусинского уезда, которая содержалась на средства, отпускаемые центральным комитетом вспомогательной кассы для лютеранских приходов в России. Преподавание в школе велось на латышском и немецком языках и являлось обязательным для всех детей.

При опросах в Сибири уже в конце XIX в. выяснилось, что 95% лютеран (эстонцев, латгалцев, латышей, немцев) были грамотны. Во время обряда совершеннолетия юноши — в 18 лет, девушки — в 16 лет подтверждали с условием умения читать Закон Божий и знать Ветхий и Новый завет (Знамя труда, 21 июня 1989 г., 13 августа 1997 г.; Иванова И.П. Взаимодействие и взаимопроникновение контактирующих этничес-